

М.М. Вантеевский**M. Vanteevsky****ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ЛИТЕРАТУРА КАК
ИНСТРУМЕНТ
ФОРМИРОВАНИЯ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ИДЕОЛОГИИ В РОССИИ****FICTION AS A TOOL FOR
FORMING POLITICAL
IDEOLOGY IN RUSSIA****Аннотация**

В статье рассматривается проблема изучения художественной литературы как пространство конструирования и репрезентации политической идеологии в России. На примере анализа политики в области культуры предлагается выделить государственные, государственно-религиозные и частные инструменты формирования идеологического ландшафта. Также в результате анализа политических институтов правления Ивана IV в произведениях А.В. Иванова, В.Г. Сорокина и П.С. Лунгина предлагается исследовать данные феномены через призму биографического подхода, выявить корреляции между политическим поведением, гражданской позицией и этапами социализации, через которые прошел писатель. В итоге, с одной стороны, современная литература является отражением идеологического ландшафта современности, рецепцией социально-политических кризисов и инструментом стигматизации политического идеала. С другой стороны, художественное творчество может быть элементом коммеморативных практик, направленных на формирование ценностной основы образа власти в России. Таким образом, можно говорить о двух векторах конструирования общественного сознания: первый подход связан с гносеологическим восприятием современности сквозь призму культурного кода и «исторической колеи» социума, а в рамках второго появляется возможность восприятия коллективного сознания как площадки для реализации любых инициатив и идей, которые могут диаметрально отличаться от темпоральной целостности истории и окружающей социально-

Abstract

This article examines the problem of studying fiction as a space for constructing and representing political ideology in Russia. Using the example of analyzing cultural policy, it is proposed to identify state, state-religious, and private instruments for forming the ideological landscape. Also, as a result of analyzing the political institutions of Ivan IV's reign in the works of A.V. Ivanov, V.G. Sorokin, and P.S. Lungin, it is proposed to study these phenomena through the prism of a biographical approach, to identify correlations between political behavior, civic position, and the stages of socialization that the writer went through. As a result, on the one hand, contemporary literature is a reflection of the ideological landscape of modernity, a reception of socio-political crises, and an instrument for stigmatizing the political ideal. On the other hand, artistic creativity can be an element of commemorative practices aimed at forming the value basis of the image of power in Russia. Thus, we can talk about two vectors of constructing public consciousness: the first approach is associated with the epistemological perception of modernity through the prism of the cultural code and the "historical track" of society, and within the framework of the second, there is an opportunity to perceive collective consciousness as a platform for the implementation of any initiatives and ideas that may be diametrically different from the temporal integrity of history and the surrounding socio-political reality. As a result, it seems that the semantic basis of culture implies the design of political ideology and its co-dependency on artistic

политической действительности. В результате представляется, что семантическая основа культуры подразумевает проектирование политической идеологии и созависимость ее от художественного творчества: индивидум воспринимает монетизацию как один из важных аспектов успеха артефакта культуры, что ведет к потребности в формировании вокруг себя единой темпоральной структуры согласия, а также к субъективному разграничению индивидуального информационного пространства на истинные и ложные идеи.

creativity: an individual perceives monetization as one of the important aspects of the success of a cultural artifact, which leads to the need to form a single temporal structure of consent around oneself, as well as to a subjective delimitation of the individual information space into true and false ideas.

Ключевые слова:

художественная литература, культурные кластеры, политическая идеология, массовая культура, Иван Грозный, антиутопия, образ власти.

Key words:

fiction, cultural industries, political ideology, mass culture, Ivan the Terrible, dystopias, image of power.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2026-1-65-86>

Концепт «политической идеологии» является одним из самых сложных в современной политической науке. С одной стороны, сформировалась традиция изучения данного феномена, которая насчитывает несколько поколений исследователей из разных стран, а, с другой стороны, сегодня становится очевидно, что идеологическую роль политических манифестов и партийных уставов начинают занимать различные артефакты массовой культуры (Кузнецов, Куликова, Петрова, 2022; Белов, Вантеевский, Ярошева, 2023а). В результате предмет исследования становится гораздо шире, чем может себе изначально представить ученый, а масштаб данного явления не виден даже спустя годы работы.

Сегодня широкое распространение получают исследования на стыке политологии и культурологии: научные подходы, использующие как отечественные исследователи И.В. Демин (Демин, 2022), В.С., Мартыянов (Мартыянов, 2010), Л.Г. Фишман (Фишман, 2006), так и зарубежные Т. Иглтон (Eagleton, 1999), К. Гирц (Гирц, 2004) или Э. Блох (Bloch, 2000), позволяют производить политологический анализ массовой культуры. Политическая идеология с этих позиций воспринимается как язык интерпретации фактов, дающий возможность создавать новые идентичности и налаживать политическую коммуникацию между отдельными социальными группами и индивидами. Стоит выделить культурно-семиотический подход К. Гирца (Демин, 2021), в рамках которого исследования сводятся к двум теориям – теории интересов и теории напряжений: «согласно первой, люди все время стре-

мятся к власти; согласно второй – все время избавляются от тревоги» (Гирц, 2004). Таким образом, американский антрополог, с одной стороны, заново реабилитирует концепт политической идеологии как объект социально-политической науки, а, с другой стороны, настаивает на том, что политическая идеология есть отдельная символическая система, которую нельзя совмещать с другими – моралью, религией или философией (Демин, 2021), и при таком взгляде на первый план выходит коммуникационный аспект политического дискурса.

В современном мире становится очевидным, что идеология «представляет собой «улицу с двусторонним движением» – верования и действия правителей формируются под влиянием давления ценностей «низов», в то же время они имеют возможность оказывать давление в нужном для них направлении на граждан «сверху»» (Алексеева, 2018). Отличие современного анализа политических идеологий связано с сужением предмета исследования (ученые чаще изучают идеи и ценности, свойственные не большим политическим институтам, как государство или массовая политическая партия, а малым социальным группам), а также с целями современных конструкторов идеологических систем – задавать рамки дискурса и интерпретировать социально-политические события, формировать образы будущего и прошлого в общественном сознании. Более того, массовая культура начинает рассматриваться не как фон для социально-политических процессов и управленческих решений, а как самостоятельное явление, имеющее свои ресурсы и инструменты конструирования как общественного дискурса, так и создание сложных идеологических концептов.

Последние исследования книжной индустрии, а также изучение конструирующего и прогнозирующего потенциала художественных произведений российских писателей дает понимание о том, что современная литература является участником политического процесса в России, а также имеет инструменты для формирования «культурной травмы» или стигматизации политического идеала среди молодежи. Тем не менее последние количественные и качественные исследования коллектива ученых факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова и ИНИОН РАН артефактов массовой культуры, героев времени и образа Будущего акцентируют внимание на том, что литература не является доминирующей сферой массовой культуры и уступает кинематографу, фильмам и музыке в популярности среди молодежи, однако представляет собой семантическое ядро современных художественных нарративов массовой культуры в России, которые в результате «усреднения» основных ценностных констант занимают место массовых политических идеологий, определяют как коллективные, так и индивидуаль-

ные стратегии развития (Кузнецов, Куликова, Петрова, 2023; Белов, Вантевский, Ярошева, 2023b; Белов, Кузнецов, 2024).

Таким образом, в данной статье предпринимается анализ роли «культурных кластеров» в формировании политической идеологии в России в разные исторические этапы, а также на примере современных произведений рассматриваются процессы конструирования единой темпоральной целостности, базовые ценности которой связаны не только с исторической и политической идентичностью, но и с восприятием антропологических свойств российской власти, политических институтов и общества в целом. Основная гипотеза исследования заключается в предположении, что художественное творчество имеет историческую роль в формировании идейно-ценностных концептов в России, а также данная тенденция прослеживается и сегодня: на примере антиутопических произведений и образа Ивана Грозного в современной литературе анализируются семантические и текстологические особенности идеологических нарративов массовой культуры.

Методологическая база исследования основана на сочетании биографического анализа особенностей российских писателей, семиотического подхода изучения художественных текстов, который давно разрабатывался как зарубежными исследователями (Ч.С. Пирс (Peirce, 2012), Ф.Де Соссюр (Соссюр, 1977), Ч.У. Моррис (Morris, 1938) и др.), так и отечественными (тартуско-московская семиотическая школа во главе с Ю.М. Лотманом (Пятигорский, 1996; Гаспаров, 1996; Иванов, 1976; Успенский, 1996), М.М. Бахтиным (Бахтин, 1986)), и инструментария политической текстологии (Андерсон, Артамонова, Бойцова at al., 2014). Также в исследовании применялись элементы качественного контент-анализа (Lasswell, 1972), подразумевающий отбор художественных текстов и интерпретация их содержания.

Идеологическая роль художественной литературы и «культурных кластеров» в России

Современная массовая культура позволяет рассматривать творческие интенции не в контексте дихотомии «элитарная культура» vs «массовая культура», в которой первая выражает интересы низов, а вторая – является отражением запросов высшего общества и предполагает высокую степень компетентности, а с постмодернистских позиций, где любое творческое проявление анализируется в рамках современного капиталистического общества потребления, в котором масскульт влияет на формирование политической идеологии общества, предлагает идейно-ценностную основу и глобальную цель для всего социума.

В России, начиная с первых десятилетий XX века, пассионарная энергия в творческих кругах была связана с двумя тенденциями: во-первых, желание написать социально-политическое художественное произведение свидетельствует о наличии у автора сформированной политической позиции, которой он не только открыто придерживается, но и готов транслировать свои взгляды в массы, а, во-вторых, популярность обращение к художественной репрезентации часто является свидетельством кризисного состояния общества: актуализируются представления о возможных сценариях, из-за сложной окружающей действительности в обществе появляется потребность в осмыслении альтернативных путей в будущем.

Если посмотреть на развитие отечественной и зарубежной антиутопии, то можно выделить некоторую зависимость художественных интенций писателей от социально-политического контекста. Так, например, в начале XX века локомотивами жанра антиутопии оказываются произведения А.П. Платонова или В.В. Набокова, связанные семантически с политическими изменениями в России в первые десятилетия XX века – Октябрьская революция 1917 года, Гражданская война 1922-1923 гг., стремительное развитие индустриализации, изменение революционных идеалов и борьба внутри партийных элит, которая осуществлялась также с помощью террора (Тарасенко, 2008). Персонажи этих произведений во многом не находят себе места в новом мире, а также их главной задачей является выживание или сохранение своей идентичности: так, например, Д-503 в антиутопии «Мы» борется за свою душу и за личное счастье быть с любимым человеком, у А.П. Платонова в «Котловане» девочка-сирота Настя, которая является символом светлого и счастливого будущего социализма, заболевает и умирает, а набоковский Ц. Цинциннат в «Приглашение на казнь» остро ощущает свою непохожесть на подавляющую часть общества и оказывается «лишним» в произведении. Последствия научно-технического прогресса также отразились в ряде произведений зарубежных писателей-антиутопистов, апофеозом которых стало произведение Олдоса Хаксли «О дивный новый мир»: в нем писатель прогнозирует развитие тоталитарной системы капиталистического общества и духовное обнищание социума.

В современном мире политические кризисы являются частыми элементами общественных процессов как в национальных государствах, так и в мировых отношениях. Более того, социальные турбулентности могут влиять на художественные репрезентации и их популярность. Например, распространение вируса COVID-19 в 2019-2020 гг. и экономические последствия этих событий повлияли на распределение свободного времени: в 2023 году

ВЦИОМ выяснил, что люди стали больше читать¹. Это можно связать с тем, что книги являются, с одной стороны, самой дешевой безбарьерной средой для получения доступа к культуре (билет на музыкальный концерт, в театр или подписка на цифровые кино-площадки в результате обходятся дороже), а, во-вторых, у книжной культуры один из самых высоких рейтингов «одобряемости» в обществе: книга является основой обучения в школе или в университете, а также в результате формируется имидж «престижности» книжного потребления информации, в отличие, например, от видеоигр, которые до сих пор пока не до конца сформировали свою роль в процессе социализации и обучении. Более того, в условиях экономического кризиса (в 2020-ом году из-за COVID-19 в России было введено несколько локдаунов), у человека не остается возможностей для выбора форматов потребления культуры, и книга опять оказывается одним из самых массовых артефактов художественной культуры (например, книгу бесплатно можно взять в государственной библиотеке).

Важным фактором в реализации политических идей в сфере художественного творчества всегда были культурные объединения или культурные кластеры (Хезмондалш, 2018). Более того, в нашей стране был опыт поддержки художественных направлений массовой культуры как инструментов идеологического творчества: так, например, в СССР литература всегда была подвержена корректирующему влиянию партийных или государственных органов власти. Одним из самых эффективных периодов, когда литература воспринималась властью как неотъемлемые элемент агитации и пропаганды марксистско-ленинской философии, был этап руководства страной И.В. Сталиным, который, с одной стороны, сам очень сильно интересовался литературой (даже свой псевдоним «Коба» он взял из романа писателя А.М. Казбеги), а, с другой, – понимал эффективность и важность регулирования производства идей, ценностей и смыслов в художественной среде (Цыганов, 2021).

Одним из таких результатов кооперации государства и писателей стало появление поселка писателей в Подмоскovie – «Переделкино». Считается, что идею построения кооператива дач для писателей была предложена И.В. Сталиным на встрече с 50-ю советскими писателями, состоявшейся на квартире у Горького в доме на Малой Никитской 26 октября 1932 года, во время которой генералиссимус и произнес известную формулу «инженеры человеческих душ» (Ариас-Вихиль, 2015). При планировании писательского городка советское государство, прежде всего, не хотело создавать условия для формирования нового класса писательской аристократии, а такие ин-

¹ Самая читающая страна: мониторинг (2023). ВЦИОМ. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/samaja-chitajushchaja-strana-monitoring>.

тенции со стороны политических институтов в основном связаны с патерналистским запросом – мы вам дома и дачи, а вы выполняете государственный заказ на производство социалистических идеалов в современной литературе: «Нет, товарищ Ворошилов, – отрезал Сталин. – Ничего ваши танки не будут стоять, если души у них будут гнилыми. Нет, производство душ важнее вашего производства танков»¹. Таким же инструментом поддержки писательского ремесла и институционализация этого направления в конкретных идеологических рамках были профессиональные сообщества (Союз писателей СССР) и литературные премии: так, например, одним из самых престижных и финансово «выгодных» наград была Сталинская премия по литературе, которая могла как возвысить писателя и уберечь его от политических угроз 1930-х годов, так и наоборот – полностью лишить всех привилегий и возможности заниматься литературой (Цыганов, 2021).

В дальнейшем интерес к развитию литературы и использованию ее как инструмента в идеологической борьбе у руководителей СССР и России значительно снизился, так как будущие политические лидеры не делали ставки на значение конструирующего потенциала этой сферы массовой культуры, поэтому И.В. Сталина можно считать одним из последних, кто четко формулировал цели и задачи литературного творчества, создавал и поддерживал условия для работы в этом направлении, а также лично руководил формированием «пантеона» советских писателей, которые стали идеологическими проводниками как внутри страны, так и за ее пределами². Конечно, метод Сталина был слишком ориентирован на иерархизацию этой сферы (в литературе должен быть главный писатель, за ним следуют писатели первого и второго разряда, а третий разряд его уже не интересовал)³, что не является продуктивным подходом к работе с творческой средой, так как каждый писатель является оригинальной культурной единицей и экзистенциально не приемлет ранжирование уровня литературного мастерства. Собственно, поэтому наследие Советской литературы разделилось на два лагеря: с одной стороны, были писатели, которые полностью соглашались со своим статусом и союзом с партийными и государственными институтами (А.Н. Толстой,

¹ "Человеческая душа — интересный товар": как Сталин наставлял советских писателей. (2017). ТАСС. <https://tass.ru/obschestvo/4676408>.

² Константин Симонов в своих воспоминаниях пишет, что «отец народов» всегда присутствовал на совещаниях комитета с пачкой книг и журналов и всегда участвовал в обсуждениях, мог вдруг назвать какой-то роман или пьесу, которых в предварительных списках не было. См., Симонов К.М. (1990) Глазами человека моего поколения: Размышления о И.В. Сталине.

³ «Сталин мыслил иерархически: в литературе должен быть главный писатель». (2020). Газета Культура. <https://portal-kultura.ru/articles/history/327597-stalin-myslil-ierarkhicheski-v-literature-dolzhen-byt-glavnyy-pisatel/>.

А.А. Фадеев, К.М. Симонов, А.М. Горький, М.А. Шолохов), а, с другой стороны, все больше в литературе становилось «внутренних эмигрантов», которые по разным причинам стали внесистемными политическими единицами (Б.Л. Пастернак, М.М. Зощенко, А.А. Ахматова, А.А. Платонов, О.Э. Мандельштам). Таким образом, в данном примере продемонстрирована реализация государством своей исторической функции регулятора общественно-политического дискурса через «придворную литературы» (Дарнтон, 2016), обозначая, во-первых, тем самым идеологический курс правящего класса, а, во-вторых, расставляя профессиональные приоритеты в массовой культуре для молодых авторов, которые еще не обладают достаточным опытом для объективного анализа индустрии и их потенциального места в ней.

Роль государственных институтов в поддержке культурной политики всегда была определяющей в России: так, например, еще в 1810 году по приказу императора Александра I был образован Императорский Царско-сельский лицей, благодаря которому удалось воспитать целую плеяду государственных деятелей и писателей (в том числе А.С. Пушкин, А.А. Дельвиг, В.К. Кюхельбекер, А.Д. Илличевский были выпускниками данного образовательного заведения). Отчасти поэтому в XIX в. сформировалось поколение писателей-выходцев из дворянства, которые занимали роль мыслителей в обществе и создавали новые методы рассмотрения социального-политической действительности (Прокудин, 2023), что в дальнейшем отразилось, с одной стороны, на отношении государства к данной социальной группе, которая пыталась иногда на практике реализовывать свои идеи, а, с другой стороны, подталкивало широкие слои населения к социальным реформам. Таким образом, креативный класс (Флорида, 2007) в государственной системе Российской империи был наиважнейшим элементом научного прогресса и генерации вариантов развития социально-политической структуры общества.

Еще до формирования централизованной империи на территории Российского государства место главного образовательного института занимали церковные организации (Перевезенцев, 1999). Поскольку православная вера являлась основой цивилизационного пути древнерусского государства, то христианские обители имели не только культурные и социальные функции, но и политические. Так, например, Сергиево-Посадская лавра до сих пор является символом идеологической стабильности избранного культурного пути: изначально продолжая миссию Сергия Радонежского и вплоть до революции 1917-го года, это место служило центром притяжения для разных сторонников цивилизационного пути (в Сергиево-Посаде находится захоро-

нения одного из самых известных представителей цивилизационно теории – К.Н. Леонтьева).

Те не менее с началом нового витка научно-технического прогресса в XIX веке и формирования первых крупных капиталистических компаний, возросла роль частной поддержки культурного творчества. Особенно это направление нашло поддержку среди меценатов, таких как П.М. Третьяков, А.А. Бахрушин, С.И. Мамонтов, С.Т. Морозов, М.К. Тенишева, а также среди частных коллекционеров – С.И. Щукин, И.А. Морозов, благодаря которым мы сегодня имеем крупнейшие коллекции отечественного и зарубежного искусства (Семенова, 2019). Показательным является пример с усадьбой Абрамцево, в которой, благодаря усилию С.И. Мамонтова, поддерживалась работа «Абрамцевского художественного кружка» (Пастон, 2003). В подмосковной усадьбе, помимо культурного процесса, формировались также и идеологические рамки для социально-политической репрезентации: центральной темой во многих работах было русское народное искусство и национальное культурное наследие, которое вызывало широкий интерес у основного «грантодателя» – мецената С.И. Мамонтова, отраженные в современных исследованиях его биографии и взглядов (Копшицер, 1972; Арензон, 1995; Бахревский, 2000).

Таким образом, можно выделить основные исторические модели формирования «культурных кластеров» в России, которые определяли идеологическую политику в сфере культуры – государственная, государственно-религиозная и частная. Анализ исторических особенностей развития художественного конструирования в области культуры помогает выделять основных заказчиков и акторов, поддерживающих творческие продукты, а также дает понимание о характере идеологического заказа. Более того, анализ сетевой структуры основных участников идеологического процесса, позволяет составить общее впечатление о состоянии отрасли и дает возможность прогнозировать дальнейшее развитие.

Современная литература как инструмент политической коммуникации между властью, интеллигенцией и народом

Влияние современной художественной литературы сегодня особенно проявляется в антиутопическом жанре, который служит пространством репрезентации и конструирования политической идеологии и является также предметом исследования не только филологов, лингвистов и культурологов, но и политологов. Основное отличие политологического подхода изучения артефактов массовой культуры – определение семантических и текстологических особенностей художественного текста: на первый план выходит «не

рассмотрение внутренней организации текста как такового, а изучение исторических связей исследуемого произведения с окружающими его явлениями политической действительности и социально-политической мысли» (Андерсон, Артамонова, Бойцова at al., 2014). Поэтому антиутопический жанр представляется наиболее ярким примером использования художественного произведения как инструмента проектирования общественного сознания, влияние на формирования индивидуальных мировоззрений современного человека.

Более того, становится понятно, что антиутопическое мышление – это последствия кризисных и переходных этапов развития как человечества в целом, так и нашего государства. Та, например, большая часть антиутопической литературы до 1940-х годов, была посвящена ключевому событию в отечественной истории – Октябрьской революции: в произведениях Е.И. Замiatина «Мы» (1920 г.), А.П. Платонова «Котлован» (1930 г.) и «Чевенгур» (1926 г.), В.В. Набокова «Приглашение на казнь» (1935-1935 гг.) видно желание авторов представить свою версию происходящих в России революционных событий (особенно реалистично показана тревожная атмосфера приближающихся изменений в пьесе В.Я. Брюсова «Земля» (1905 г.) и неоконченном футурологическом романе «Семь земных соблазнов» (1911 г.).

Утопии и антиутопии, как и массовые политические идеологии, были очень востребованы в течение всего XX века. Тем не менее, если сначала утопическое мышление предполагало дистанцированность от политических институтов, то в конце XIX в. и в начале XX в. наступила эпоха попыток воплощение в жизнь утопических идеалов. Так, например, в первые десятилетия прошлого столетия всю нашу страну захватила коммунистическая утопия, из-за которой произошли коренные события в развитии государства. В 1960-х годах, благодаря полету в космос Ю.А. Гагарина, у Советского государства появилось новое идеологическое направление развития будущего – колонизация космического пространства, которое, конечно же, было бы уже организовано по социалистическому принципу. Более того, у обеих утопий были, как и отцы-идеологи (для коммунистической – К. Маркс, Ф. Энгельс; для космической – Н.Ф. Федоров, К.Э. Циолковский), так и практики-продолжатели реализации утопии в жизнь (В.И. Ленин, И.В. Сталин, С.П. Королев, Ю.А. Гагарин). И надо отметить, что часть утопических идеалов в итоге была реализована: так, например, В.И. Ленин с большевиками построили первое в мире социалистически-ориентированное государство (Данилкин, 2017), а С.П. Королев предпринял попытку реализации социально-философских концепций «русских космистов» (Гачева, 2019).

В результате научно-технического прогресса, который отразился во всех социальных сферах, антиутопическое творчество разделится на два направления: 1) А.Н. и Б.Н. Стругацкие в «Хищные вещи века» (1965 г.), И.А. Ефремов в «Час Быка» (1970 г.), А.А. Зиновьев в «Зияющие высоты» (1976 г.) и «Глобальном человеинике» (1997 г.) продолжают советскую футурологическую линию осмысления возможных сценариев будущего и их произведения станут зеркалом современности и научно-технического прогресса; 2) В.П. Аксенов в «Острове Крым» (1979 г.), В.В. Войнович в «Москва 2042» (1986 г.), А.А. Кабаков в «Невозвращенец» (1988 г.) развивают замятинско-оруэловскую линию критики тоталитарного государства и раскрывают по новому конфликт человека и современной политической системы. Антиутопическое состояние общества в 1990-е гг. отлично отразил А.А. Проханов в «Господин Гексоген» (2002 г.) и «Последний солдат империи» (2003 г.), а также Э.В. Лимонов «Дисциплинарный санаторий» и «Убийство часового» (1993 г.).

Современный этап связан с антиутопическими художественными текстами таких писателей, как В.О. Пелевин, В.Г. Сорокин, А.И. Иванов, Д.А. Глуховский, Э.Н. Веркин, В.О. Богданова, Д.С. Захаров, Д.А. Данилов, Я.М. Вагнер, И.С. Техликиди и др., которые не только осмысливают процессы цифровизации, но и обладают инструментами стигматизации и формирования общественного мнения. Так, например, один из основных нарративов в современной антиутопии, отразившийся в «Антонов Коллайдер» И.С. Техликиди, «Павел Чжан и прочие речные твари» В.О. Богдановой, «Остров Сахалин» Э.Н. Веркина, «Аптечка номер 4» Б.А. Ханова, «Салюты на той стороне» А.Е. Шалашовой, – проектирование инстинктивного страха к теме разворота России на Восток, а также попадание в экономическую, политическую и культурную зависимость России будущего от ближайших азиатских соседей.

Идеологическая роль писателей также определяется сегодня и их политической позицией по отношению к действующей власти. Так, например, есть писатели, которые активно поддерживают нынешний политический режим – А.А. Проханов, Г.У. Садулаев, А.С. Пелевин, А.П. Долгарева, И.А. Караулов, С.В. Лукьяненко. Для них литература – это не только инструмент коммуникации с читателями, их ремесло, но и возможность влиять на содержательные процессы конструирования идейно-ценностных основ общества. Несмотря на то, что некоторые из представленных писателей находятся под зарубежными санкциями из-за поддержки ВС РФ после 2022 года, в России создаются отдельные творческие коллективы, которые поддерживают вооруженные действия на Украине. Так, например, в 2022 году в партнерстве с издательством АСТ/Эксмо запущен издательский проект «КПД»,

вдохновители которого Е.Н. Прилепин, О.В. Демидов, А.Ю. Колобродов стараются «издавать преимущественно произведения отечественных авторов, поднимающих вопросы патриотизма, долга, преданности и чести» (на данный момент в рамках проекта выпущено 18 книг 17 авторов)¹.

Вторая категория представителей творческой элиты занимают центристскую позицию между властью и оппозицией. Более того, часто они продвигают левые ценностные константы – М.Ю. Елизаров и С.А. Шаргунов наиболее яркие представители данного лагеря. Первый – автор бестселлеров «Pasternak», «Земля», «Библиотекарь» является «панком» от мира литературы. Несмотря на свой непростой путь (родился на территории современной Украины в Ивано-Франковске в 1973 году) М.Ю. Елизаров живет сегодня в России, активно следит за политической ситуацией, однако представляет собой лидера-одиночку: на данный момент не был замечен в участии каких-либо идеологических лагерей российской интеллигенции. С.А. Шаргунов, в отличие от М.Ю. Елизарова, ведет очень активную политическую деятельность – депутат Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации VII и VIII созыва от политической партии КПРФ. Более того, С.А. Шаргунов активно пытается влиять на развитие литературного процесса в России: с 2018 года является заместителем председателя «Союза писателей России», а в 2020 году писатель создает альтернативное объединение, которое должно оставить конкуренцию «Союзу писателей России» и «Союзу российских писателей» – «Ассоциация союзов писателей и издателей России» (АСПИР). Тем не менее в 2025 году ассоциация заявило о своем закрытии и это событие связывают с реформой административной системы литературной иерархии и с избранием в 2025 году председателем «Союза писателей России» В.М. Мединского, который назначен на эту должность с целью централизации государственных ресурсов в российской литературе.

Третья группа писателей придерживается радикально оппозиционных взглядов и начиная с 2022 года ведет открытую борьбу против политики российской власти. Реакцией на такие идеологические выпады становится заведение уголовных дел, а также признание статуса «иноагента». Публичная идеологическая сегрегация – показательный инструмент влияния властей на проектирование художественных образов, влияющих на формирование политической повестки и общественного мнения в России. В результате данной стигматизации отдельных социальных групп государство в переходных условиях показывает заданный курс, который говорит об отказе от концепта плюрализма мнений в литературной среде и формировании единой

¹ О редакции «КПД». (2025). АСТ. <https://ast.ru/redactions/kpd/>.

аксиологической линии, направленной на укрепление идеологического ландшафта нации.

В результате представляется, что современная литература имеет несколько уровней темпоральной целостности, которые влияют на идеологическую политику в России. С одной стороны, различные тренды и тенденции могут формировать единое семантическое поле, которое является источником идей, ценностей и смыслов как для лидеров общественного мнения, так и для различных государственных организаций, и в результате декодирования и усреднения получается массовый продукт, являющейся ценностной доминантой для многих социальных групп, как это, например, произошло с современной российской антиутопией. С другой стороны, возможности социальной стигматизации и демонизации современной литературы оказываются опасным инструментом и государство в данном случае начинает выполнять свою роль арбитра, раздавая привилегии писателям и творческим коллективам, которые поддерживают основной стратегический путь и конечную цель правящий элит. В обратном случае государство начинает использовать инструменты «жесткой силы», лишая представителей литературной сферы возможностей продолжать свою профессиональную деятельность на привилегированных условиях. Такой эмерджентный порядок говорит о возвращении государства в сферу массовой культуры, однако, в отличие от предыдущих исторических периодов, современная власть в России придерживается гибкого формата участия в проектировании ценностных доминант в разных областях.

Иван Грозный – главная «страшилка» для россиян

Масштабность влияния массовой культуры на идеологические установки общественного сознания видна на примере процесса формирования социально-политических образов как современности, так и в коммеморативных практиках. Так, например, фигура первого русского царя – Ивана Грозного – много осмыслялась как в отечественной историографии XIX–XXI вв., так и в массовой культуре в разные эпохи и периоды развития нашего государства. В XIX веке А.К. Толстым был написан один из самых популярных исторических романов – «Князь Серебряный», который выдержал десятки переизданий и был несколько раз экранизирован. Большое влияние на мифотворчество оказала картина русского художника И.Е. Репина «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 года». В 1945 году вышла на экран первая часть кинокартины советского режиссера С.М. Эйзенштейна «Иван Грозный», композитором к которой выступил С.С. Прокофьев, а в 1973 году на основе пьесы М.А. Булгакова – «Иван Васильевич» – Л.И. Гайдаем была снята всеми любимая комедия «Иван Васильевич меняет профессию». В XXI ве-

ке интерес к фигуре первого русского царя также не утихает: например, в 2009 году, примерно в одно время вместе с выходом фильма П.С. Лунгина «Царь», для телеканала «Россия» был выпущен 16 серийный исторический телесериал «Иван Грозный», снятый режиссером А.А. Эшпаем и вызвавший многочисленные критические отклики. В 2020 году, благодаря поддержке телеканала «Россия-1» и кинокомпании «Москино», был снят восьмисерийный сериал «Грозный» режиссером А.В. Андриановым, в котором снялось большое количество звезд отечественной киноиндустрии – А.В. Яценко, С.В. Маковецкий, В.И. Сухоруков, В.А. Стеклов и др.

Тем не менее ключевым образом русского царя с абсолютной властью в российской массовой культуре остается одно из главных произведений XIX века – «Князь Серебряный». Важным является также и факт того, что в качестве основных источников А.К. Толстой использовал IX том «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина (Шмидт, 2009), а также замысел самого автора – создать образ жестокого деспота и самодура, который играет с судьбами людей и управляет страной с помощью террора и опричнины. Однако А.К. Толстой хороший драматург, поэтому стигматизация образа абсолютистской власти монарха создается с помощью насыщения самого персонажа неоднозначными качествами, что подчеркивает его индивидуальность: первый русский царь не только тиран, но и сложная личность, которая в определенной мере осознаёт свою жестокость, но не может остановиться, боясь потерять власть.

Важным в данном идеологическом высказывании является исторический контекст создания художественного произведения – через призму культурного артефакта появляется возможность наблюдать за завершением этапа, когда русский исторический роман находился под сильным влиянием творчества В. Скотта, сочетая европейские романтические традиции с национальными историческими и фольклорными мотивами. Более того, роман опубликован в 1862 году и служит отражением новых либеральных реформ императора Александра II, которые в последующем историки ознаменуют как «Эпоху великих реформ». Политическая актуальность идеологического содержания романа определяется также и социальным статусом самого А.К. Толстого, который был другом детства будущего императора, и их общение началось еще в детстве, когда восьмилетний Толстой стал одним из детей, приходивших играть с цесаревичем Александром. Близость к эпицентру политического процесса в Российской империи воссоздались в художественных репрезентациях, которые если не являлись отражением перемен, то определили будущие тенденции, так как авторы этих произведений преследовали цели формирования нового политического идеала руководителя им-

перии XIX века: «Князь Серебряный» написан через 14 лет после революций 1848-1849 гг., которые, во-первых, не затронули только России из всех великих европейских империй, а, во-вторых, предопределили формирование нового конституционного порядка, где большая часть населения оказывается наделана активным и пассивным избирательным правом, а власть монарха ограничивается либо парламентскими узлами, либо иными инструментами сдержек и противовесов.

В результате «Князь Серебряный» А.К. Толстого является не только сугубо репрезентативным явлением, свойственным для 1860-х годов, но и интерпретируется общественностью как идеологический вызов политического идеалу сильной централизованной политической власти. Тем не менее за последние несколько десятилетий из большого количества художественных произведений можно выделить три наиболее репрезентативных, в которых авторы предприняли попытку формирования образа русского царя, а также рецепцию политических реформ правления Ивана IV – дилегия В.Г. Сорокина «День опричника» и «Сахарный Кремль», исторический роман А.В. Иванова «Летоисчисление от Иоана» и фильм П.С. Лунгина «Царь». Стоит отметить, что если первые два произведения являются самобытными современными российскими антиутопиями, то роман А.В. Иванова – реакция и продолжение фильма П.С. Лунгина (Иванов изначально работал вместе с Лунгиным над фильмом, однако уже после выхода резонансной кинокартины решил написать свое видение правления Ивана Грозного и митрополита Филлипа).

Позиция по отношению к фигуре первого русского царя В.Г. Сорокина, А.В. Иванова и П.С. Лунгина имеет общие поколенческие и идейно-ценностные основания. Во-первых, пересечение идей современной гуманитарной интеллигенции связано со специфическими особенностями этого поколения: родились примерно в одну эпоху (В.Г. Сорокин – 1955 г.; А.В. Иванов – 1969 г.; П.С. Лунгин – 1949 г.), социализировались в похожих условиях (Москва – Нижний Новгород – Москва), формировались как личности под влиянием общих обстоятельств и социально-политических факторов. Во-вторых, в результате личностного становления почти для каждого социально-политическим идеалом были европейские государства, в которых авторы либо предпочитали жить и работать (В.Г. Сорокин – Берлин; П.С. Лунгин – Франция), либо активно изучали европейскую историю и проводили сравнительный анализ с некоторыми регионами России.

В-третьих, несмотря на отсутствие исторического образования, все трое часто в своих произведениях обращаются к различным эпохам, а также экстраполируют сконструированные для себя образы на другие периоды

нашей истории и современности. Так, например, писатель В.Г. Сорокин в своей антиутопической дилогии «День опричника» и «Сахарный Кремль» описывает Россию будущего в 2028 году, используя при этом атрибуты эпохи Ивана Грозного: страна поделена на опричнину и земщину, замкнутость общества и государства, акцент на культурную православную традицию, а не на прогресс и т.д. Также этот образ активно используется в исторических романах: писатель А.В. Иванов в 2009 году написал изначально сценарий, по которому был снят фильм «Царь» П.С. Лунгина, а затем выпустил книгу о митрополите Филиппе и царе Иоанне IV – «Летоисчисление от Иоанна». И в фильме, и в книге затрагиваются вопросы, касающиеся характера русской власти, отношения царя и общества, культурной роли России в мировом процессе.

В результате в данном случае образ Ивана Грозного оказывается, с одной стороны, не только коммеморативной практикой, но прослеживается единая темпоральная целостность, которая связывает этапы социализации писателя и его социально-политическую позицию, а, с другой стороны, аксиологические особенности образа русского царя являются инструментом формирования коллективной «культурной травмы» (Александр, 2013), а также вытекающей из нее рецепцией современных политических институтов в России. В результате семантика данных произведений становится массовым инструментом конструирования единого идеологического ландшафта, который оказывает влияния не только на лидеров общественного мнения, но и на лица принимающие решения.

Тем не менее в идейно-ценностном аспекте развитие современной литературы как активного участника политических процессов в России связано и с динамичностью эволюции политических институтов, а также увеличение требований и ответственности за принятие решений в кризисные этапы, которых за последние 25 лет было как минимум три (2008 г., 2014 г. и 2022 г.). Поэтому художественные произведения В.Г. Сорокина, А.В. Иванова и П.С. Лунгин, которые создавались в первое десятилетие XXI в. («День опричника» (2006 г.), «Сахарный Кремль» (2008 г.), «Летоисчисление от Иоанна» (2009 г.), «Царь» (2009 г.)), тесно связаны и с этапами эволюции внутренней и внешней политики Российской Федерации. Так, например, укрепление имиджа В.В. Путина в середине 2000-х привело к увеличению в художественных произведениях исторических аналогий с централизованным режимом Ивана Грозного, а новый курс в сторону «суверенной демократии», который в итоге был оглашен на международной арене в 2007 году Президентом РФ на Мюнхенской конференции, спровоцировал осмысление итогов либерально-демократических реформ 1990-х годов в творческой среде (С.А. Шаргунов

«1993. Семейный портрет на фоне горящего дома» (2013 г.), М.Ю. Елизаров «Библиотекарь» (2007 г.) и Е.Н. Прилепин «Обитель» (2014 г.).

Таким образом, представляется, что для искусства (литературы и кинематографа) такой дискуссионный материал, как образ Ивана Грозного и методы политического управления, всегда является очень привлекательными, так как в такой теме обычно нет финальной точки в научных исследованиях (так же, как и по отношению к фигурам Петра I и И.В. Сталина). В результате такой недосказанности появляется простор для художественных размышлений, манипуляций и фальсификаций. Поэтому подобного рода анализ идейно-ценностных репрезентаций политической идеологии возможен только в тех областях, в которых существуют дискуссионные исторические вопросы.

В итоге анализ исторической роли художественного творчества в формировании общего идеологического ландшафта в России позволяет выделить три подхода – государственный, государственно-религиозный и частный путь регулирования культурной сферы. Тем не менее современная массовая культура, частью которой являются антиутопические произведения, позволяет рассматривать современные творческие интенции не в контексте дихотомии «элитарная культура» vs «массовая культура», в которой первая выражает интересы и запросы низов, а вторая – является отображением запросов высшего общества и предполагает высокую степень компетентности, а с постмодернистских позиций, где любое творческое проявление анализируется в рамках современного капиталистического общества потребления, в котором масскульт влияет на формирование политической идеологии общества, предполагает идейно-ценностную основу и глобальную цель для всего социума.

Представляется, что художественная литература может быть, как репрезентацией идеологического ландшафта современности, так и частью коммеморативных практик. Онтологическая задача художественного творчества также заключается в интеграции общества, формировании общего интерпретационного кода, легитимации власти и обосновании существования политических институтов, а также в искажении социальной реальности. В результате получается, что сама семантическая основа культуры подразумевает существование политической идеологии и созависимость ее от художественного творчества: человек, как существо социальное, нуждается в формировании вокруг себя структуры единения и поддержки, а также в разграничении индивидуального информационного пространства на правильные идеи и неправильные. Данные тенденции можно заметить в современных художественных произведениях, в которых предпринимается попытка создания единой аксиологической линии между образом Ивана Грозного и

функционированием политических институтов власти в историческом разрезе. В результате писателями преследуется цель – навязать семантически негативный образ и создать эффект «культурной травмы» опосредованным путем через литературное произведение или кинематограф.

Более того, возвращение к исторически неоднозначным образам, таким как Иван Грозный, Петр I или И.В. Сталин, говорит о популяризации в российском обществе глобальной системы ностальгии по прошлому, которая отражается как в восприятии современности, так и конструировании будущего. В результате мы получаем два типа художественных интенций: с одной стороны, современные авторы предполагают, что большая часть как актуальных социально-политических процессов, так и футуристических взглядов связаны с «исторической колеей», а значит ответы на возможные сценарии развития нужно искать в культурном коде социума (именно данного направления придерживаются В.Г. Сорокин, А.В. Иванов и П.С. Лунгин), а, с другой стороны, будущее представляется свободной площадкой для реализации любых инициатив и идей, которые могут диаметрально отличаться от темпоральной целостности истории и современности на данный момент: последний случай как раз связан с попытками государства, церкви, частных коллекционеров и меценатов формирования единой культурной среды в России в разные исторические этапы развития.

В результате практическая значимость работы обусловлена тем, что результаты исследования могут быть использованы представителями власти при принятии управленческих решений, а также отраслевыми институтами в книжной индустрии, ориентированными на выявление и формирование общих идеологических основ развития. Тем не менее для исследовательских коллективов, аналитических центров и органов государственной власти представляется необходимым в дальнейшем продолжение изучения конструирования интегративных идеологий, направленных на стимуляцию формирования единого политического пространства: является одной из приоритетных задач современного государства в условиях доминирования образов массовой культуры, для которых свойственен рост потребительских запросов и постоянная циркуляция информации, и отсутствие ответственности перед обществом и политическими институтами, оберегающими личность сегодня. В противном случае будут появляться артефакты культуры, основной целью которых является коммерциализация идеи успеха, а также получение дохода и ресурсов для воспитания новых поколений «одномерных людей».

Литература

- Bloch, E. (2000). *The Spirit of Utopia*. Stanford University Press.
- Eagleton, T. (1999). *Ideology. An introduction*.
- Lasswell, H. D. (1972). *Propaganda Technique in the World War*.
- Morris, C. W. (1938). *Foundations of the theory of signs*. International Encyclopedia of Unified Science. University of Chicago Press.
- Peirce, C. (2012). *Philosophical writings of Peirce*. Dover publications.
- Александр, Дж. (2013). *Смыслы социальной жизни: Культурсоциология*. Изд. «Праксис».
- Алексеева, Т. А. (2018). *Современная политическая мысль. XX-XXI вв. Политическая теория и международные отношения*. Издательство «Аспект Пресс».
- Андерсон, К. М., Артамонова, Ю. Д., Бойцова, О. Ю. (2014). Политическая текстология как наука и учебная дисциплина: Материалы круглого стола. Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 4, 110-136.
- Арензон, Е. Р. (1995). Савва Мамонтов. *Русская книга*.
- Ариас-Вихиль, М. А. (2015). «Инженеры человеческих душ» и «социалистический реализм»: о встречах Сталина с писателями на квартире А. М. Горького в 1932 году (по материалам Архива А. М. Горького). Постижение Запада. Иностранная культура в советской литературе, искусстве и теории 1917 - 1941 гг. Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук.
- Бахревский, В. А. (2000). Савва Мамонтов. *Молодая гвардия*.
- Бахтин, М. М. (1986). *Эстетика словесного творчества*. Искусство.
- Белов, С. И., Вантеевский, М. М., Ярошева, Д. В. (2023). Ценностные предпочтения современной российской молодежи: результаты обобщения экспертных мнений. Политическая наука. 2, 163-178. DOI 10.31249/poln/2023.02.07.
- Белов, С. И., Кузнецов, И. И. (2024) Развлекательные и просветительские предпочтения молодежи как ресурс политической социализации. Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2 (24), 196-200.
- Гаспаров, Б. М. (1996). *Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования*. Новое литературное обозрение.
- Гачева, А. Г. (2019). *Русский космизм в идеях и лицах*. Академический проект.
- Гирц, К. (2004). *Интерпретация культур*. РОССПЭН.
- Данилкин, Л. А. (2017). *Ленин: Пантократор солнечных пылинок*. Молодая гвардия.
- Дарнтон, Р. (2016). *Поэзия и полиция. Сеть коммуникаций в Париже*. НЛО.
- Демин, И. В. (2022). Идеология как язык и метаязык. Значение семиотики культуры Ю.М. Лотмана для современной теории идеологий. Диалог со временем. 79, 11-23.
- Демин, И. В. (2021). Культурная антропология Клиффорда Гирца в контексте современной теории идеологий. Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 63, 111-121. DOI 10.17223/1998863X/63/11.
- Иванов, В. В. (1976). *Очерки по истории семиотики в СССР*. Наука.
- Копшицер, М. И. (1972). Савва Мамонтов. *Искусство*.

Кузнецов, И. И., Куликова, Е. В., Петрова, Ю. В. (2022). Массовая культура как среда политической социализации молодежи. Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 5 (15), 68-88. DOI 10.31249/kgt/2022.05.04

Кузнецов, И. И., Куликова, Е. В., Петрова, Ю. В. (2023). Пространство героев в сознании российской молодежи: разнообразие предложений при неясных предпочтениях. Политическая наука. 2, 179-202. DOI 10.31249/poln/2023.02.08

Мартьянов, В. С. (2010). Политический проект Модерна. От мироэкономики к мирополитике: стратегия России в глобализирующемся мире. Издательство «Политическая энциклопедия».

Пастон, Э. В. (2003) Абрамцево: искусство и жизнь. Искусство.

Перевезенцев, С. В. (1999). Русская религиозно-философская мысль X-XVII вв: Основные идеи и тенденции развития. Прометей.

Прокудин, Б. А. (2023). Исторические этапы политизации русской художественной литературы периода Великих реформ. Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 3, 99-130.

Пятигорский, А. М. (1996). Избранные труды. Школа «Языки русской культуры».

Семенова, Н. Ю. (2019). Московские коллекционеры. Щукин, Морозов, Остроухов. Три судьбы, три истории. «Молодая гвардия».

Соссюр, Ф. Де. (1977). Труды по языкознанию. Прогресс.

Тарасенко, Ю. В. (2008). Драма-антиутопия в русской литературе начала XX в. Вестник Томского государственного университета. 308, 26-30.

Успенский, Б. А. (1996). Избранные труды: в 3 т. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. Школа "Языки русской культуры".

Фишман, Л. Г. (2006). Политический миф и идеология: опасное сближение? Полис. Политические исследования. 4, 74-86.

Флорида, Р. (2007). Креативный класс: люди, которые меняют будущее. Издательский дом «Классика-XXI».

Хезмондалш, Д. (2018). Культурные индустрии. Изд. дом Высшей школы экономики.

Цыганов, Д. М. (2021). Сталинская премия в системе литературного производства 1940-х - начала 1950-х годов. Институциональный контекст формирования соцреалистического канона. Летняя школа по русской литературе. № 3-4 (17), 347-370. DOI 10.26172/2587-8190-2021-17-3-4-347-370.

Шмидт, С. О. (2009). Памятники письменности в культуре познания истории России. Т. 2: От Карамзина до «арбатства» Окуджавы. Языки славянских культур.

References

- Bloch, E. (2000). *The spirit of utopia*. Stanford University Press.
- Eagleton, T. (1999). *Ideology: An introduction* [Ideology: An introduction].
- Lasswell, H. D. (1972). *Propaganda technique in the World War* [Propaganda technique in the World War].
- Morris, C. W. (1938). Foundations of the theory of signs. In *International encyclopedia of unified science* (pp. 1–59). University of Chicago Press.
- Peirce, C. S. (2012). *Philosophical writings of Peirce*. Dover Publications.
- Alexander, J. C. (2013). *Smysly sotsial'noy zhizni: Kul'tursotsiologiya* [The meanings of social life: A cultural sociology]. Praxis.
- Alekseeva, T. A. (2018). *Sovremennaya politicheskaya mysl'. XX–XXI vv. Politicheskaya teoriya i mezhdunarodnye otnosheniya* [Modern political thought: 20th–21st centuries. Political theory and international relations]. Aspekt Press. (In Russ)
- Anderson, K. M., Artamonova, Yu. D., & Boytsova, O. Yu. (2014). Political textology as a science and academic discipline: Round table materials. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 12: Politicheskie Nauki*, (4), 110–136. (In Russ)
- Arenzon, E. R. (1995). *Savva Mamontov*. Russkaya kniga. (In Russ)
- Arias-Vikhil', M. A. (2015). "Inzheneriy chelovecheskikh dush" i "sotsialisticheskiy realizm": o vstrechakh Stalina s pisatelyami na kvartire A. M. Gor'kogo v 1932 godu (po materialam Arkhiva A. M. Gor'kogo) ["Engineers of human souls" and "socialist realism": On Stalin's meetings with writers at Gorky's apartment in 1932 (based on materials from the Gorky Archive)]. In *Postizhenie Zapada. Inostrannaya kul'tura v sovetskoy literature, iskusstve i teorii 1917–1941 gg.* Institut mirovoy literatury im. A. M. Gor'kogo Rossiyskoy akademii nauk. (In Russ)
- Bakhrevskiy, V. A. (2000). *Savva Mamontov*. Molodaya gvardiya. (In Russ)
- Bakhtin, M. M. (1986). *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Iskusstvo. (In Russ)
- Belov, S. I., & Kuznetsov, I. I. (2024). Entertainment and educational preferences of youth as a resource for political socialization. *Izvestiya Saratovskogo Universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya*, 24(2), 196–200. (In Russ)
- Belov, S. I., Vanteevskiy, M. M., & Yarosheva, D. V. (2023). Value preferences of modern Russian youth: Results of a synthesis of expert opinions. *Politicheskaya Nauka*, (2), 163–178. <https://doi.org/10.31249/poln/2023.02.07> (In Russ)
- Demin, I. V. (2021). Clifford Geertz's cultural anthropology in the context of contemporary theory of ideologies. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, (63), 111–121. <https://doi.org/10.17223/1998863X/63/11>
- Demin, I. V. (2022). Ideology as language and metalanguage: The significance of Yu. M. Lotman's semiotics of culture for contemporary theory of ideologies. *Dialog so Vremenem*, (79), 11–23. (In Russ)
- Danilkin, L. A. (2017). *Lenin: Pankrator solnechnykh pylinok* [Lenin: Pantocrator of sun motes]. Molodaya gvardiya. (In Russ)
- Darnton, R. (2016). *Poeziya i politsiya. Set' kommunikatsiy v Parizhe* [Poetry and the police: Communication network in Paris]. NLO. (In Russ)
- Fishman, L. G. (2006). Political myth and ideology: A dangerous convergence? *Polis. Political Studies*, (4), 74–86. (In Russ)
- Florida, R. (2007). *Kreativnyy klass: lyudi, kotorye menyayut budushchee* [The creative class: People who change the future]. Klassika-XXI. (In Russ)
- Gacheva, A. G. (2019). *Russkiy kosmizm v ideyakh i litsakh* [Russian cosmism in ideas and persons]. Akademicheskii proekt. (In Russ)

- Gasparov, B. M. (1996). *Yazyk, pamyat', obraz. Lingvistika yazykovogo sushchestvovaniya* [Language, memory, image: Linguistics of linguistic existence]. Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ)
- Geertz, C. (2004). *Interpretatsiya kul'tur* [The interpretation of cultures]. ROSSPEN.
- Hesmondhalgh, D. (2018). *Kul'turnye industrii* [Cultural industries]. Izdatel'skiy dom Vysshey shkoly ekonomiki. (In Russ)
- Ivanov, V. V. (1976). *Ocherki po istorii semiotiki v SSSR* [Essays on the history of semiotics in the USSR]. Nauka. (In Russ)
- Kopshits, M. I. (1972). *Savva Mamontov*. Iskustvo. (In Russ)
- Kuznetsov, I. I., Kulikova, E. V., & Petrova, Yu. V. (2022). Mass culture as an environment for political socialization of youth. *Kontury Global'nykh Transformatsiy: Politika, Ekonomika, Pravo*, 15(5), 68–88. <https://doi.org/10.31249/kgf/2022.05.04> (In Russ)
- Kuznetsov, I. I., Kulikova, E. V., & Petrova, Yu. V. (2023). The space of heroes in the consciousness of Russian youth: Diversity of offerings with unclear preferences. *Politicheskaya Nauka*, (2), 179–202. <https://doi.org/10.31249/poln/2023.02.08>
- Mart'yanov, V. S. (2010). *Politicheskii proekt Moderna. Ot miroekonomiki k miropolitike: strategiya Rossii v globaliziruyushchemsya mire* [The political project of Modernity: From world-economy to world-politics: Russia's strategy in a globalizing world]. Politicheskaya entsiklopediya. (In Russ)
- Paston, E. V. (2003). *Abramtsevo: iskustvo i zhizn'* [Abramtsevo: Art and life]. Iskustvo. (In Russ)
- Perevzentsev, S. V. (1999). *Russkaya religiozno-filosofskaya mysl' X–XVII vv: Osnovnye idei i tendentsii razvitiya* [Russian religious-philosophical thought of the 10th–17th centuries: Main ideas and development trends]. Prometei. (In Russ)
- Prokudin, B. A. (2023). Historical stages of the politicization of Russian fiction during the Great Reforms period. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 12: Politicheskie Nauki*, (3), 99–130. (In Russ)
- Pyatigorskiy, A. M. (1996). *Izbrannye trudy* [Selected works]. Shkola "Yazyki russkoy kul'tury". (In Russ)
- Semenova, N. Yu. (2019). *Moskovskie kollektsionery. Shchukin, Morozov, Ostroukhov. Tri sud'by, tri istorii* [Moscow collectors: Shchukin, Morozov, Ostroukhov. Three fates, three stories]. Molodaya gvardiya. (In Russ)
- Shmidt, S. O. (2009). *Pamyatniki pis'mennosti v kul'ture poznaniya istorii Rossii* [Monuments of writing in the culture of understanding Russian history] (Vol. 2: Ot Karamzina do "arbatstva" Okudzhavy). Yazyki slavyanskikh kul'tur. (In Russ)
- Saussure, F. de. (1977). *Trudy po yazykoznaniyu* [Works in linguistics]. Progress.
- Tarasenko, Yu. V. (2008). Dystopian drama in Russian literature of the early 20th century. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, (308), 26–30. (In Russ)
- Tsyganov, D. M. (2021). The Stalin Prize in the system of literary production of the 1940s–early 1950s: The institutional context of the formation of the socialist realist canon. *Letnyaya Shkola po Russkoy Literature*, 17(3–4), 347–370. <https://doi.org/10.26172/2587-8190-2021-17-3-4-347-370> (In Russ)
- Uspenskiy, B. A. (1996). *Izbrannye trudy: v 3 t.* [Selected works in 3 volumes] (Vol. 1: Semiotika istorii. Semiotika kul'tury). Shkola "Yazyki russkoy kul'tury". (In Russ)